

ИЗНАНКА

18+

ИНГА КУЗНЕЦОВА

Инга Кузнецова
Изнанка
Серия «Городская проза»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/60707360>

Изнанка/ Инга Кузнецова: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-133770-4

Аннотация

<p>Сенсационный роман Инги Кузнецовой написан от лица главного героя всех новостных лент мира. И это... мыслящий вирус, тоскующий по людям.</p> <p>Сюжет учитывает и официальные, и конспирологические гипотезы распространения SARS-CoV-2. Герой попадает сначала в тела животных, над которыми ведут эксперименты, а затем – в организмы Гигов, позволяя читателю видеть человеческую изнанку совершенно не так, как ее преподносит нам анатомия или психология.</p> <p>Стремящийся к людям вирус открывает парадоксальные законы этого мира: познание существ неотделимо от их поглощения, а любовь неутолима. Любящему герою приходится понять и то, что из-за него умирают.</p> <p>Не касается ли это и наших взаимоотношений друг с другом? Среди человеческих персонажей романа – не только самые обычные люди, но и маньяк-убийца.</p> <p>Дерзкий роман переворачивает

привычные смыслы, предлагая удивительную и радикально новую версию устройства Вселенной.</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Инга Кузнецова

Изнанка

Глава 1

Река

1

И я понял, что мы летим.

Из тьмы и тьмы, из гущи сырого мрака, из жирной пещерной слизи мы вырвались во что-то лёгкое, свежее и захватывающее, пахнущее желанием, травой, жизнью. Это была уже другая – разбелённая, разреженная темнота.

Смутные холмы разворачивались под нами. Невидимые существа кричали над нами. Кто-то сумеречный, затаившийся в шелесте, зыркнул безумным глазом. Хозяин начал снижение.

Впереди блестела река. Я знал: Хозяин не видит чёрно-зелёного и буро-землистого берега и не чувствует, как прекра-

сен сдержанный блеск воды. Но я-то его предвидел. Да, сейчас за гигантской кроной, увеличенной тенью, перед нами возникнет она – обратная сторона всего, текущая бесконечность, которая меня блазнит.

Мой Хозяин летит зачерпнуть инобытия.

Уцепившись выростами за неровный покров, скрывающий от меня его возлюбленное тепло, чувствуя всепроникающую нежность к широким взмахам, обдающим меня пластами запахов, лопастями прохлады и токами усталости, я с каким-то любопытством ужаса жду, когда наконец Летучий потеряет меня.

Ведь он слышит, как шумит вода. Он боится её, но сейчас слишком хочет пить (пересохший голос разбивается на последовательность отдельных пунктов). Пить и есть. Над рекой висят существа, которым предназначено стать частицами хозяйского тела. Он поймает их. Если я что-то смутно помню об этом, значит, так уже было. Я думаю, что это прекрасная участь и что они всё понимают.

Определяя расстояние от нас и до них, Летучий Хозяин выпускает тонкую цепочку звуков. Он ждёт ответов от всех и больше всего от реки. Но она ускользает. Береговые деревья сообщают ему всю правду о твёрдости своих стволов, а влаж-

ное травяное месиво то говорит с ним, то загадочно уклоняется от ответа.

Я чувствую траву, точно я сам – хватка моего Хозяина.

2

Звуки к нему возвращаются, тело его вибрирует.

Я боюсь разлуки и того, что сейчас она будет водой. Слабеющими выростами цепляюсь за мелко-пластинчатый покров, исчерченный и истрёпанный ветром. Покров сжимается и разжимается, сжимается и разжимается. Я на самом краю хозяйского зева, манящего мягкостью выстилки. Он близко, но я не могу двигаться. Не могу оказаться в нём по собственной воле, как бы она ни была сильна – эта моя тяга к Хозяину, тяга быть с ним, тяга быть им.

Волны бегут перед нами, а потом под нами – и зовут, зовут. Я не знаю, что будет, если вдруг меня оторвёт от Хозяина и я упаду в бесконечность. В этот плавно-быстро-блестящий круговорот. Будет ли моя полужизнь тогда настоящей гибелью или нет? А если она будет всё-таки жизнью, с кем тогда она будет?

Я не представляю себя без Хозяина. В волне мелькает

невозможная мысль о его инобытийной копии – по ту сторону воды. Но я не успеваю её додумать.

Издав короткий резкий крик, сразу улетевший вверх, и едва не сбросив меня, Хозяин совершает подлёт. И что-то тяжёлое, жёсткое тотчас сбивает меня с толку и отрывает от чешуйки покрова. Я не успеваю пропасть, даже испугаться не успеваю: прилипнув к жёсткому, я уже качусь вместе с ним к жадному, жаркому, нежному жерлу, дрожащему и отрыгивающему звук за звуком, каплю за каплей. Это горло Хозяина.

Я не знаю, кто или что катит меня внутрь, в клокотание горла. Пухлый покров обнаруживает множество входов, и, не теряя ни мига, я соединяюсь с одной из возможностей.

3

То, что вкатило меня в горло-жерло, оказывается живым, и сейчас оно придаёт нам с Хозяином дополнительную тряски, сопротивляясь втягиванию и растворению в недрах.

Спасаясь от него и проникая в мягкое мокрое, раздвигая лепестки этой мякоти, я нахожу себе убежище – отдельный отсек, одна из стенок которого кажется тонкой и лёгкой для проникновения, а другие – надёжно-прочными.

Осторожно прорываю оболочку. Сквозь полупрозрачные стенки можно видеть, как в соседних отсеках роится своя тихая жизнь. Что-то движется, набухает и лопается; выпучивается, отделяется, скукоживается и распрямляется. За таившись, я чувствую, что за рядами ближайших отсеков пролегают мощные жидкопроводы Хозяина. Кажется, что по ним течёт его личная бесконечность. Она задаёт ритм всему: всем выпучиваниям веществ и рождениям новых неясных полусуществ.

Тело-мир мерно дрожит, успокаивая всё живущее в нём, и постепенно моё беспокойство гаснет. Я согрелся. С нежностью чувствую, что Летучий кого-то ест и что ему хорошо.

Я тоже наудачу всасываю маленький кусочек мякоти, выстилающей поверхность убежища. Казалось, никогда ранее я не поглощал ничего более питательного и необходимого! Мирное, близкое тепло жидкопровода расслабляет меня. Тёплое тело Хозяина – вот моя родина, настоящая родина, которую я не захочу и, кажется, уже не смогу покинуть.

4

Убаюканный сытостью, я представляю себе, как Хозяин носится над широкой рекой, заглатывая вместе с влажным

воздухом громких и твёрдых существ и перемалывая их, перерабатывая под себя и накапливая упругую мякоть. А я уже живу в ней. О, как долго я стремился к этому! Как мечтал путешествовать по его телу, которое люблю!

Но сейчас меня утяжеляет усталость, клонит в сон достигнутая цель, и я решаю отложить путешествие на потом, когда свет прибавит яркости вовне и Хозяин будет метаться, пока не найдёт себе новое укромное место или не вернётся в прежнее логово. Он успеет. Почему я в этом так уверен?

Я удивляюсь сам себе. Интересно, ждёт ли там его кто-то подобный ему? Этого я не помню. Сама мысль, допускающая возможность существ, похожих на Хозяина, кажется мне жестокой. Не понимаю, почему она мучает меня. Мне хочется, чтобы он оказался единственным.

5

А я? Я – единственный? Я представляю, как, набравшись сил, я мог бы и сам начать делиться на «я одно», «я другое» и так далее, вплоть до последнего «я» в самом конце этой живой цепочки. Эта странная идея будоражит и будит меня.

Возможно, «мы», эти множество «я», поймём нашего Хозяина быстрее – все его мельчайшие процессы, все его же-

лания, и тогда жизнь в его мире станет отчётливей. Для меня или для всех «нас»? А может быть, всё наоборот? И, размножившись, я перестану чувствовать что-то важное? Всё сотрётся и станет однообразным? Не будет ни прежней преданности, ни прежних желаний?

...

Слишком много вопросов.

6

Сквозь дрему дезактивации всё возникает само: Хозяин смыкает свои невидящие глаза и переворачивается вниз головой, цепляясь за свод, сделанный из скользкого мрака. И рядом – о, жестокость! – его подобия. Точно сейчас меня нет, а вместо меня разворачивается реальность, сдвинутая вперёд. Подобные Хозяину висят звериными головами вниз, сгрудившись тесно, бок о бок. Над ними – слизистый свод, под ними – крошечный мрак.

Бездна, в которую всё уходит. Наверное, раньше я слишком много думал о ней. Вот под ними она и есть. А это значит, что преданность не бесконечна, увы. До моего Хозяина у меня был другой. Перед тем как выпасть в бездну, он отдал меня новому. Может быть, он и не выбирал преемника и это произошло случайно. Прежний хозяин что-то просви-

стел ему на прощанье.

Цепочка свистящих звуков, в оболочке влаги, влажного хрипа. С этой влагой из тела вылетел я. Тело прежнего Хо-зьяина перестало быть для меня миром и кануло в бездну, которая всегда подстерегает всех.

Я упал на грубый покров нового существа и вцепился в одну из чешуек, что топорщились на поверхности. Влага высохла, а я остался.

7

...Когда прихожу в себя, оказывается, что камеры больше нет: стенки обвалились, мякоть, укреплявшая их, исчезла. Я в какой-то трухе. Кто разрушил моё убежище? Приходится прорвать оболочку соседней камеры. Она кажется мне слишком тесной. Новая? Она тоже мала. Что-то с ними не так! Что-то со мной не так...

Я открываю камеру за камерой, отсек за отсеком и не могу остановиться. В каждой и каждом я поглощаю кусочек мякоти, совсем крошечный, и взамен оставляю часть себя – сломанный вырост или фрагмент поверхностной ткани. Не знаю, может, это и не благодарность, а извинение. А может, просто след, по которому бы я когда-нибудь мог вернуться

назад, в глотку. В некоторых отсеках я устраиваю тайники. Я боюсь сделать что-то резкое. Ведь это возлюбленное тело Хозяина. Я не понимаю, как мне его беречь, и спешу узнать его.

Некоторые из отсеков похожи на склады неопределённых субстанций. Некоторые населяют полусущества, не имеющие чётких контуров. Они реагируют на меня, изменяя цвет, будто предупреждают о своей враждебности. Они точно говорят: «Мы с тобой соперники за любовь и тело Хозяина, за его возможности. Исчезни, а?» Но я не собираюсь вступать с ними ни в какое – ни дружеское, ни соперничающее – взаимодействие. Они не участвуют в наших отношениях с Хозяином, и поэтому я не обязан понимать их стремления. Я не враждебен к ним. Я нейтрален.

Странно, что я могу двигаться так быстро, зная, что Летучий спит. Он почти замер. Отсеки смещаются и возвращаются в прежние положения плавно, точно скользят в чём-то тягучем. Жидкопроводы остыли. Перемещаясь и чувствуя всё большую тесноту внутри не поспевающих за мной отсеков, внезапно я догадываюсь, что распухаю. Я не знаю, что делать.

Как остановить это? Мне страшно. Я не хочу разрушать Хозяина.

8

Мои переживания теряют всякий смысл. Мир хозяйского тела превратился в войну.

Гром и грохот, столь непохожие на речь Летучего, оглушают, сминают, скукоживают меня. Я пытаюсь двигаться, из меня выделяется жидкость. Это тщета. Ужас сушит отростки.

Всё сигнализирует о том, что имеет пределы, – и тело-мир, в котором я нахожусь и которое полюбил. Хозяин становится маленьким, а я – совсем неразличимым. Близкие жидкопроводы разогреваются так, что всякое продвижение к ним становится невозможным. Влага внутри бунтует, точно забыла, в какую сторону течь. Стенки камер обрушиваются сами собой. Мир Хозяина превращается в беспорядочный поток разрозненных фрагментов.

9

Вдруг меня втягивает в какую-то полость и вот уже с силой тащит по длинному влажному каналу. Я завёрнут в скольжение. Невозможно ни за что уцепиться. Отростки

рвутся. Тряска не прекращается: то становится более ритмичной, то снова опрокидывается в хаос.

Сквозь этот чад я узнаю слабую цепочку хозяйского голоса. И безо всякой чёткости можно разобрать отчаянье в каждой точке каждого звука.

Вместе с обрывками и обломками того, что прежде принадлежало Хозяину, меня бросает вперёд и втягивает назад, и это «назад» и «вперёд» столько раз повторяется, что в конце концов я перестаю их различать.

Глухо и грубо возникают чужие страшные голоса. Их рисунок некрасив. Они принадлежат врагам.

Что они делают с Хозяином? Как мне защитить его, если я так слаб и ничтожен? Мой Хозяин теряет силы. Хозяин мечется. Меня выбрасывает в глотку, пористое пространство возможностей. Дорога пузырьчата. Я прикрепляюсь к одному из полукруглых пузырей. Отростки входят легко и без поломок. Конечно, пузырь – неудобная камера (да и не камера вовсе – так, какая-то форма). Но сейчас нам не до удобства.

А Летучий теперь не подаёт сигналов. Он не управляет никакими взаимодействиями. Мир его тела сейчас так холоден, что блокирует возможность различить, жив Хозяин

или нет. Если он мёртв, это значит, что и я погибаю, потому что полусуществование без него не имеет для меня никакого смысла.

10

Но нет, это ещё не конец. Звуки за пределами хозяйского мира-тела требуют нас к себе. Злые силы. Они переливаются в двух голосах, и один из них всё ближе. Что-то непостижимо огромное поднимает нас с Хозяином и бросает в жуть, в отчаянье, в пронзительный звук.

Тело-мир жадно сжимается-разжимается, а я, вырвавшись из пузыря, бултыхаюсь в жидком секрете хозяйского горла. Сквозь толщи покровов сюда, ко мне, сочится ужас других существ и выделяемых ими веществ, смешанный с душным призывом незнакомых событий. И вдруг Хозяин дёргается и яркое, разрубленное резкими полосками света и тьмы пространство вне его возникает как новая пугающая реальность. Питательная жидкость горла течёт туда, вон, увлекая и меня. Отломанные отростки остаются в камере-пузыре, а я плыву и теряю Хозяина.

Меня волочёт разлука. Сдвинутая вперёд реальность уже почти наступила. Но Летучий совершает последний рывок. Яркое схлопывается, и я откатываюсь к истыканному пузы-

рю в глотке и снова вцепляюсь в истончённую стенку тремя оставшимися выростами.

Мой Хозяин жив. Под нами шевелится страх. В нём томятся подобия Хозяина, издающие измученные позывные.

Глава 2

Дорога

1

Мы упали в какую-то паузу бытия и теперь обложены несвободой: я, мой Хозяин и его неточные копии. Движение прекратилось. Желания исчезли. Стремиться некуда.

Страх за Хозяина притупился – не потому, что опасности больше нет. Её нет, как ничего нет. Просто этот страх сейчас кажется совершенно тщетным. Я не могу спасти моего Хозяина. Ни сейчас, ни потом. Могу только думать о нём, обо всём. Следить за тем, как меняется реальность. Вернее, моё понимание её.

2

А моё понимание сути всего изменилось.

Раньше я думал: существует множество миров и все они великолепно естественны. Они развиваются сами собой и связаны важными смыслами. Может быть, так, как я и Хозя-

ин; может быть, как-то иначе. Его тело – моя родина, которую легко любить, в которой славно быть. Я поглощал её кусочки, но и сам был её крошечным «куском». Я был не один: множество полусуществ, подобных мне и отличавшихся от меня, виделись рядом, смутно. Мы не интересовались соседями, но жили и действовали, не мешая друг другу пребывать в Хозяине. Нас всех будил и убаюкивал единый ритм, этот равномерный ток бесконечности в его трубопроводах.

И я доходил до мысли, что мой Хозяин – возможно, такая же часть чьего-то тела-мира, как и я. Может быть, наружный мир Хозяина – это существо, чью огромность мне даже не представить; а земля, вода и воздух – это слои его непомерного тела, его токи, его мякоть. И в этом таинственном существе живёт мой Хозяин и его звероподобия, их звероотличия, холмы... А у «наружного» Непомерного, внутри которого живёт мой Хозяин, есть свой, совсем Невероятный Хозяин. И у него тоже есть Хозяин...

Хозяева есть у всех, так устроены миры и миры, которые движутся нашей любовью к ним. Вот безумная, прекрасная правда, которая думалась мне сама и представала передо мной как отсвет бесконечной череды миров, пронизанных разнонаправленной любовью.

Но оказалось, что это ещё не всё. Ещё не всё.

Произошло вот что: миры, их связь перерубили существа совершенно иного типа. Хозяин не может теперь свободно существовать в Непомерном – естественные пути нарушены существами, не понимающими всеобщего закона миров. Судя по голосам, они Гиганты. Куда крупней и сильней Летучего. Их сила, может быть, и не была злой изначально. Но с нами сейчас она играет какую-то злую шутку, смысл которой не выудить из естественной бесконечности.

Зачем эти Гиги (так я решил их называть) вмешались в нашу реальность? Что эти ложные хозяева, эти самозванцы хотят от нас?

Они действуют самовольной силой, но я надеюсь на одно – на то, что эти действия не натянуты ветром, не обусловлены общим законом вещей – и здесь, возможно, остаётся лазейка для спасения. Какая-то крошечная прореха в покрове сдвинутой вперёд реальности.

Она нужна Летучему. И я её найду.

4

Сейчас нельзя уходить в глубь Хозяина. Нельзя есть его, терять время на собственный прокорм. Я должен быть предельно собран. Необходимо затаиться. Прислушаться к происходящему и принять его. Это поможет приспособиться к Гигам. Понять те сигналы, что они посылают друг другу. Только после этого можно будет действовать.

Я различаю шумы. Судя по ним, похитителей двое. Оба звучат громоподобно, но по-разному. Один – настойчивей, другой – как бы отступая. Скорее всего, они сейчас переговариваются о нас. Я решаю записать эти звуки, вобрать в себя. Позже, вероятно, мне удастся понять, что они значат.

Некоторые сочетания звуков повторяются чаще других: «блеать», «пох», «нах», «ауе». Думаю, их быстрее всего удастся понять.

5

- Ничё так охота?
- Ничё, блеать. Но было и круче.
- Да ладно, блеать! Клёво отоварились.

- Давай, шевели лапами, блеать.
- Иди нах.
- Чё, ты как дед, блеать? Она ж не тяжёлая.
- Вот и неси, раз такой умный, блеать.
- Мы так не договаривались, блеать.
- Иди нах. Хочу отдохнуть.
- Какое отдохнуть, блеать? Босс уже в лавке!
- Да хоть в хуявке. У меня идея получше.
- А ты не ауе? Какая, нах, идея? С какого перепугу?
- А почему у меня, блеать, не может быть идеи?
- Потому что ты лох, блеать. У тебя их отродясь не бывало.

- Ну ты и придурок, блеать!
- Ладно, не лох. Давай уже, нах, колись.
- Покурим, тогда и скажу.
- Да хрен с тобой, блеать.

(Пауза.)

- Они там ещё не передохли нах? Чё-то затихли.
- Открой, блеать, крышку и посмотри.
- Нах надо. Ещё разлетятся нах.
- Стопе, а где мобила?
- Посеял, блеать.
- Иди ты нах.
- Да кому звонить в такую рань? Ты точно бнулся.
- Пропустишь бабки. Ты, видно, хочешь всю дорогу целовать босса в зад, блеать.

– Иди нах.

– Разве тебе не нужны нормальные бабки, блеать?

– Да чё ты темнишь, чё?

– Через плечо! Есть кто-то почище, разве непонятно, блеать?

– Серьёзно? Ну и кто этот хрен почище?

– Один доктор.

– Хероктер, блеать!

– Успокойся, придурок.

– И чё он хочет? Зачем ему наши мыши? Чтобы жрать?

Такой богатый, блеать?

– Ты просто кретин! Он доктор наук, между прочим.

– Чё это значит, нах?

– А то, что он учёный, нах! Приборы, исследования, блеать. Все дела.

– И каких, блеать, наук?

– А тебе не пох, если хорошие бабки?

– Да в общем пох. А чё он будет с ними делать, блеать?

– Ну ты и тугой, блеать! Ясен пень, ставить опыты.

– Сам ты тугой, б твою ать! На херопыты идут другие мыши, блеать!

– А ты почём знаешь?

– Это все знают, кроме тебя, блеать.

– И какие-растакие?

– Простые! Белые! А не летучие, нах!

– Простые – это серые, блеать.

- А мне пох. Серые или белые. Но они не летают!
- Думаешь, я чё попутал?
- Говно вопрос попутал, блеать.
- Такие белые с красными глазами, да?
- Езда! Ну да, а какие же?
- Но он сказал... в смысле этот доктор... мне показалось.

Да где же карточка? Можем позвонить.

- Посеял нах?
- Заткни глотку! В той куртке оставил, блеать.
- И мобилу тоже нах?
- Мобилу на зарядке, блеать.
- Ну ты и лох.
- Сам ты лох, нах.
- И скока бабок?
- Чё скока?
- Даёт твой хероктер. За мышь.
- Сказал «не обижу».
- Ну ты и лох. Ничё конкретного, блеать.
- Иди ты нах.
- Ну ты и лох, блеать.
- Иди-ка нах.

6

Звуки, знаки, сигналы, речь. Когда летит, мой Хозяин разговаривает со всем существующим. Он посылает сигналы и

ждёт ответов. Не таковы Гиги: они не обращают внимания на существ иного типа и их языки; они говорят лишь друг с другом и как будто стараются друг друга заглушить. Задавить. Возможно, они вообще не ждут никаких ответов. Новое мешает им. Едва ли они что-то знают о жизни моего Хозяина. Она им безразлична. Насколько я понял, они даже не хотят становиться нашими насильственными хозяевами. Но они и не уничтожают нас. И это странно.

Для чего мы им?

В условиях, в которые они поместили Хозяина и его звероголовые подобия, кажется, невозможно выжить. Никого не кормят и не дают двигаться. Что это значит? Они хотят, чтобы все умерли?

Если жестокость – свойство всех Гигов, то я уже ненавижу их.

7

Но, может быть, они поймали Летучих случайно и просто не знают, что с ними делать?

Я не хочу скукоживаться от ненависти. Я мысленно болтаюсь. Пока меня не пронзает догадка: они поймали нас спе-

циально и не убивают, потому что собираются передать каким-то другим существам. И что-то получить взамен. Мы – чей-то будущий корм? Они хотят чьей-то благодарности? Я чувствую смутное сходство этой версии с тем, как я питался мякотью Хозяина, оставляя в его камерах сломанные отростки, и мне становится стыдно: так себе обмен, честно говоря.

8

Но если догадка верна, то кому же эти Гиги должны передать нас? Кто этот Доктор?

Встреча с ним может оказаться гораздо более трудным испытанием.

Бывают ли вообще Гиганты, лишённые жестокости? Эти вопросы разрывают меня. Нет-нет, нельзя расслабляться, Хозяин должен быть начеку. Я думаю, единственная возможность вырваться возникнет при смене мучителей.

Мне кажется, Летучий уже понял это. Пока мы под контролем двух Гигов, ощупывающих воздух с помощью звуко-сочетаний «блеать» и «нах», мой Хозяин может экономить силы. Он спит.

Я тоже включаю энергосберегающий режим. Но что это?

Какой-то сбой общего ритма. Я пытаюсь представить, что это значит. Кажется, нашу неволю вместе с двумя грубыми голосами переместили в другую быстродвижущуюся неволю. Пещеру в пещеру, логово в логово. Ритм становится рваным и частым: тело Хозяина мотается, и я вместе с ним. Ни Хозяин, ни его копии не выпускают ни звука.

9

А наружные шумы медленно нарастают. Они очень извне. Нет, конечно, я не могу, как Летучий, определять местоположение существ, выпуская голос на свободу. У меня нет голоса. Но чему-то важному я всё же научился у него. Чувствую опасности. Ощущению пространства, смешанному с быстротечностью всего. Разнотечностью.

И сейчас это пространство, в которое мы влетели и которое я не могу видеть, но всё-таки чувствую, стало разноголо-со-громким. Миг – и внешнее замерло. И теперь тесное логово, предназначенное для Хозяина и его подобий, подняла и несёт грубая сила.

Громкоголосица обрушивается на нас, и очнувшийся Хозяин начинает метаться, выпуская во все стороны прерывистые звуковые цепочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.